

Сергей Криворотов

Дремотный Замок

Фантастические повести

Москва
RUGRAM
2022

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
К82

Криворотов, С.

К82 Дремотный замок / С. Криворотов. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. – 318 с.

ISBN 978-5-521-91422-7

Герой повести «Дремотный замок» – типичный представитель «офисного планктона». С помощью своих ярких снов он пытается разорвать окружающую серую действительность. Однако, сам становится объектом манипуляций беспринципных воротил сновизионной компании. Ему удаётся выбраться из бесконечных «trips on other side» (путешествий на ту сторону) с встреченной в них девушкой. Их любовь становится оружием, которое поможет совместно выстоять перед натиском мира чистогана.

Вторая повесть в сборнике – «Ритуалы Охоты» впервые опубликована в 2012 г. в московском «Искателе». Представляет собой более сжатый и динамичный рассказ о приключениях Тимофея и его друзей с планеты Жёлтого Океана, чем в романе «В глубь», для которого позже послужила основой.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

© Криворотов С., 2021
© Киппер Ж., оформление, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ISBN 978-5-521-91422-7

ДРЕМОТНЫЙ ЗАМОК

*«... И сонные сени восстали,
Дремотные башни воздвиглись»*
Велимир Хлебников.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДОГОВОР.

I.

– Здорово! Как здорово! – повторял он про себя снова и снова, кому ещё посчастливилось видеть такое?!

Всё здесь не похоже на Землю. Очерченные солнцем зубцы скал застыли на аспидном фоне звёздного пространства. Свет безжалостно обрушивался на мёртвую поверхность, на частокол пиков у близкого горизонта.

Сквозь пластины светофильтров различались мелкие камешки под ногами, длинные контрастные тени от них, казались видны даже мельчайшие пылинки на неровной, изъеденной эрозией почве. Бескомпромиссная схватка ослепительного дня и космической ночи, никаких полутонов или мягких переходов – куда ни кинь взор, чёткое разделение: свет и тьма рядом с резкими гранями между ними. Мертвящее спокойствие разлито в здешней безвоздушности, странная тишина в шлемофонах, ни малейшего фонового потрескивания, будто их заполнили звукопоглощающей ватой.

Он шёл, упорно клонясь вперед, удерживая вертикальность положения, скафандр стеснял, но не препятствовал полностью удивительной лёгкости замедленных плавных движений. Далеко позади у посадочной капсулы деловито копошился нереально уменьшенный второй астронавт, единственная живая деталь застывшего неземного пейзажа.

Стараясь не смотреть на далёкие звёзды, на манящий взгляд голубой диск с застывшими вихрями серебристых облаков поверх контуров континентов, он приступил к сбору образцов.

Пластиковый контейнер не заполнился и наполовину, когда внезапно сжало грудь. Он взглянул на шкалу нарукавного манометра и обмер: стрелка дрожала на нуле. Кислородный баллон почти закончился, как он мог проглядеть?! Утечка? Поспешно развернулся и бросился назад к спасительному модулю, но слишком далёк блистер кабины, игрушечно мала беспечная фигурка напарника. А вместо бега получаются немыслимые прыжки – взлёт, переходящий в плавно замедленное падение, касание грунта подошвами, опять толчок и взлёт. Почти полёт, невозможный на Земле, бред, да и только.

Попытался взять себя в руки и успокоиться, перейти на шаг. Удалось выиграть в скорости, но он тут же не сдержался и снова запрыгал. Воздуха уже не хватает на вдох, в глазах темнеет, удушье намертво вцепилось в горло, рвёт лёгкие до самых альвеол. И всё же лунный модуль вырастает на глазах с каждым прыжком. Не так быстро, как хотелось, но ближе, ближе...

Осталось совсем немного. Он вложил все оставшиеся силы в прыжок, и теперь падает, падает, нет конца затянувшемуся падению, поверхность предательски исчезла из-под ног. Хочется вздохнуть, но воздуха больше нет вовсе, грудь расширяется, словно в нее запихали массу надутых шариков, скафандр превратился в тесную оболочку. Он кричит от невыносимой боли в рвущихся лёгких, от бессилия и отчаяния, от недостижимости казавшегося столь близким спасения...

Всё переживалось гораздо ярче, чем наяву, намного реальнее в каждой мелочи. Только в самом начале он вспомнил, такого нет на самом деле, никак не может происходить, и тут же забыл начисто, как и всю свою настоящую жизнь. Он полностью ощущал себя астронавтом на Луне и не думал, что подлинная высадка наверняка выглядела бы иначе. Он не мог критически и бесстрастно оценивать видимое вокруг, уйдя в него с головой, оно стало его единственно возможным.

... Его отчаянный крик смёл лунный ландшафт, остроконечные пики с чернильными кляксами теней, отшвырнул через пространство назад на Землю. Он кричал из последних сил, продолжая

лететь в бездонный тёмный колодец. Тело больше не ощущалось, от него остался безумно вопящий комок сознания, несущийся неизвестно куда с невообразимой скоростью...

Реальность душной ночи принимает в себя, проявляясь со всех сторон контурами знакомых предметов. Он просыпается в холодном поту, боясь поверить в окончательное избавление от только что пережитого кошмара, замирая с радостью понимания, что всё лишь приснилось. Необыкновенно живой, пугающий подробностями, но сон, только сон! Вновь он сознаёт себя простым служащим Ричардом Джонсом, никаким не астронавтом, вид привычной обстановки приносит умиротворение.

Но память увиденного и перечувствованного не исчезла с пробуждением, горло сдавила тоска от невозможности вернуть только что пережитое. Ему кажется, он спит теперь, комната с обшарпанной мебелью снится, а сновидение и было подлинной реальностью, в которой ему и следовало находиться.

Такое случилось вовсе не впервые. Тревожа по ночам, ослепительные кометы снов расцветали в сознании клерка, обыкновенного представителя офисного планктона, одуревшего за день от бесконечных диаграмм и графиков на экране монитора. Определённо, у Джонса имелся своеобразный талант. Таким путём он уходил от опостылевшей действительности и тем острее ощущал при возвращении никчёмность безрадостно монотонного существования. Не всегда виденное ночами запоминалось, чаще сохранялись тусклые, блекнувшие с каждым часом после пробуждения обрывки, начисто стиравшиеся со временем. Сложить их в единую картину уже не получалось, лишь горечь утраты и желание иного настоящего продолжали преследовать его. Почти все видения сопровождались цветом и звуком, а нередко ещё и осязанием, вкусом, запахами.

Возможно, его красочные сны родились вместе с ним на свет. Он помнил их с раннего детства, когда внезапный недуг надолго приковал мальчика к постели. Родители маленького Дика проживали в тихом провинциальном городке в стороне от магистральных трасс и железных дорог, фабричных труб и скоплений небоскрёбов. Стены их небольшого дома, да небольшой экран допотопного телевизора заключали для мальчика в дни болезни весь мир. А по ночам, одаривая небывалыми впечатлениями, приходили сны. Они будоражили,

выматывали, не давали ни малейшего отдыха, оставляли наутро после себя разбитость и недовольство серым окружающим.

... То ли ночь, подсвеченная заревом далёкого пожара, то ли сумерки, утонувшие в багровом закате. Топот тысяч бегущих ног усиливается отражённым эхом от асфальта мостовых и высоких стен городских ущелий, оглушает, сводит с ума. Тёмная человеческая лава несётся мимо к укрытиям, к спасению, но лишь немногие успели обзавестись личными противоатомными убежищами. Пронзительный вой сирен обрушивается со всех сторон жутким воплем доисторического чудовища.

Маленький Дик мечется от распахнутых окон комнат на кухню, в переднюю и обратно, ищет в пустом доме отца и мать. Не вовремя они ушли, бросили его одного, ничего не сказав, а сам он не знает, что делать, куда бежать, где укрыться от нарастающего с каждым мигом ужаса.

Неумолкающие сирены перекрывают истошный вопль множества глоток бегущих в панике людей, потерявших человеческий облик. На предельной высоте слышимости нестерпимая какофония внезапно обрывается. В наступившей разом гнетущей тишине докатывается отзвук приглушённого взрыва, быстро нарастает, заполняя всё вокруг ужасным грохотом. Но ещё раньше зловеще красный, тусклый свет за окнами усиливается до яркого, растворяет остатки теней по углам комнат, слепит глаза, выжигая сетчатку...

Дик просыпался с гулко бухающим сердцем, дрожа и радуясь мирному покою ночи, ненадолго нарушенного рёвом низко пролетевшего реактивного ракетносца с военного аэродрома. После такого он беззвучно плакал, уткнувшись лицом в мокрую от слёз подушку. Как он боялся атомной войны, казавшейся неизбежной родителям, да и не им одним, в ту давнюю пору! Страх этот передался от них, и даже потом, когда неожиданно источник угрозы на время исчез, кошмары тех лет не раз возвращались по ночам. А тогда в детстве он подолгу молился, сжимая всю свою детскую волю в кулачки,

пытаясь донести трудно представляемому Богу неистовую просьбу, чтобы ЭТОГО никогда не случилось...

Стоило только зажечь ночник, в неровностях небрежно оштукатуренного потолка детской ему начинал видаться некий бородастый лик, к которому он обычно и обращался. Слышал ли тот маленького мальчика в ночи, не оставил ли вообще на произвол судьбы порядком надоевшее бесконечным нытьём и жалобами человечество? Как бы то ни было, но, к счастью, ужасы тех давних снов так и не получили продолжения в окружающей действительности.

Именно такие видения наиболее подробно оставались в памяти. Впрочем, гораздо чаще приходили светлые, полные цветов и солнца картины, которые быстро улетучивались, оставляя невыразимое сожаление по утраченному с пробуждением.

Рано потеряв мать, с годами Дик не представлял себе её образ достаточно чётко, даже фотографий родительницы не сохранилось. Ему и в голову не приходило, что к этому могла приложить руку новая жена отца, нисколько не заменившая маму. Зато в щемящих сердце снах она многократно являлась, словно отражённая во множестве зеркал, невозвратимым олицетворением самого лучшего в его жизни. Такой идеальной и запомнилась навсегда.

Гораздо реже посещали бессвязные сновидения, совершенно лишённые логики, снились гротескно искажённые люди, пугающие нелепостью ситуации, непонятного предназначения нелепые предметы. Они не впечатляли, не оставались в сознании, поутру рассеивались, как радуга после дождя или быстро исчезающий в небе обычный инверсионный след от реактивного самолёта, не химтрейл. Узнав, что большинство прочих видит именно подобное, Ричард бесповоротно уверовал в исключительность собственного дарования.

Всё это неизбежно сказалось на формировании его личности. Не замкнутый от природы, он не боялся одиночества, никогда не скучал наедине с собой. Штампованные фабричные или ручной работы игрушки, позже книги, радио или телепостановки, музыкальные записи развивали воображение мальчишки. Рисованные супермены комиксов манили неизмеримо больше забитого рекламой и стрельбой телеэкрана. Да и сработанные в массе по шаблонам голливудские фильмы с наперёд известным концом и повторами одних

и тех же трюков давно не интересовали любителя сновидений. А теперь и компьютер настолько надоедал на службе, что дома совершенно не хотелось утыкаться в осточертевший за день экран монитора даже ради интересной игры. К тому же, Джонс предпочитал проводить вечера в спокойной обстановке, а не тащиться куда-то за сомнительными приключениями, особенно в непогоду. Разве могли кинозалы, стрипбары или тому подобные места дать хотя бы частицу бесплатного наслаждения от собственных ночных зрелищ? Ничто до сих пор не могло с ними даже близко сравниться. Необычные сны давно превратили его в занятого домоседа

Не считая рано умершей матери, женщины не играли в его жизни заметной роли. Они появлялись изредка и мимолётно, воспоминания о них улетучивались раньше впечатлений от очередного сна. Чаще они сами проявляли инициативу, выбирая его, сами уходили, да он и не пытался удержать ни одну, оставаясь холостяком с обычным жалованьем рядового клерка. Нелепые претензии некоторых, даже малейшие намёки на возможность совместной жизни с кем-то из них раздражали и воспринимались серьёзной угрозой его личной жизни. Он тотчас замыкался в себе и резко обрывал опасное общение.

В то же время услугами проституток Ричард никогда не пользовался, механический покупной секс не отвечал усвоенным им с детства представлениям. Если женщина ему нравилась внешне, он мог «снять» её на улице, в метро, иногда помогал интернет, но чаще такое случалось в барах. И хотя число «обломов» при этом, естественно, намного превышало удачные продолжения, последних хватало, чтобы не скатиться вконец до комплекса собственной неполноценности. Про себя же он всегда мечтал об искренних душевных отношениях, рисуя в воображении нечто заведомо несбыточное, чуть ли не заоблачное.

Как-то ещё в ранней юности отец из лучших побуждений захотел нанять для него дипломированную специалистку из тех, кого называют «умелые ручки», чтобы разом избавить отпрыска от возможных проблем пубертатного возраста. Дик сразу принял в штыки такое проявление бескорыстной родительской заботы.

Возможно, кроме расплывчатых представлений о морали, почерпнутых из книг и поверхностного знакомства с религией, виной